

8. Маршакова Н. Н., Татарчук В. В. Проблемы квалификации террористического акта (ст. 205 УК РФ) // Философия права, 2008, № 4 (29). С. 63–66.

© Соловьев Д. Н., 2026

УДК 343.9

**Старостенко О. А.** – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности в ОВД Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Краснодар)

## **ИНТЕРНЕТ-РАДИКАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: МЕХАНИЗМЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ И ИННОВАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ПРОФИЛАКТИКИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

### **INTERNET RADICALIZATION OF STUDENTS: MECHANISMS OF ENGAGEMENT AND INNOVATIVE PREVENTION STRATEGIES IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM**

**Аннотация.** В статье рассматривается актуальная проблема интернет-радикализации студенческой молодежи в контексте роста преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. На основе анализа данных Генеральной прокуратуры Российской Федерации и научных исследований обосновывается, что студенчество, в силу высокой цифровой активности и возрастных психологических особенностей, находится в группе повышенного риска деструктивного воздействия. Автором детально исследуются современные механизмы вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность, включая использование алгоритмической персонализации контента, закрытых каналов в мессенджерах, игровых платформ («геймификация насилия») и феномена «карманного радикализма». Проведен анализ традиционных мер профилактики, реализуемых в системе высшего образования, выявлены их недостатки. В результате исследования предложены инновационные стратегии противодействия радикализации, включающие внедрение тренингов по «цифровой гигиене» и медиаграмотности, реализацию модели «равный равному» и др. Делается вывод о необходимости трансформации существующей практики от преимущественно контрольной и запретительной модели к созидательной, ориентированной на формирование критического мышления и ценностного иммунитета у обучающихся.

**Ключевые слова:** интернет-радикализация, студенческая молодежь, экстремизм, цифровая среда, механизмы вовлечения, профилактика экстремизма, система высшего образования, цифровая безопасность, критическое мышление, информационная гигиена.

**Abstract.** The article discusses the current problem of online radicalization of student youth in the context of the growing number of extremist crimes committed using information and telecommunication networks. Based on the analysis of data from the General Prosecutor's Office of the Russian Federation and scientific research, it is argued that students, due to their high digital activity and age-related psychological characteristics, are at a higher risk of being exposed to destructive influences. The author provides a detailed examination of the current mechanisms of involving young people in extremist activities, including the use of algorithmic content personalization, private messaging channels, gaming platforms (gamification of violence), and the phenomenon of "pocket radicalism." The paper analyzes traditional prevention measures implemented in the higher education system and identifies their shortcomings. As a result, the study proposes innovative strategies for countering radicalization, including the implementation of training programs on "digital hygiene" and media literacy, the implementation of the "equal to equal" model, and others. The article concludes that it is necessary to transform the existing practice from a predominantly control and prohibitive model to a creative one that focuses on developing critical thinking and value immunity among students.

**Keywords:** Internet radicalization, student youth, extremism, digital environment, mechanisms of involvement, prevention of extremism, higher education system, digital security, critical thinking, and information hygiene.

По официальным данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, озвученным на коллегии ведомства по итогам 2024 г., количество преступлений экстремистской направленности в стране возросло на треть, достигнув показателя в 1719 зарегистрированных деяний, при этом каждое второе из них совершено с использованием информационно-телекоммуникационных сетей [1]. Указанная динамика свидетельствует о качественной трансформации угроз национальной безопасности, где цифровая среда выступает ключевым пространством деструктивного воздействия на молодежь.

Студенчество как социальная группа, характеризующееся высокой цифровой активностью и интенсивным процессом формирования мировоззренческих установок, объективно относится к категории повышенного риска интернет-радикализации. Однако практика профилактической работы в системе высшего образования часто сохраняет инерционный характер: традиционные лекционные форматы демонстрируют низкую результативность в условиях алгоритмической персонализации контента, способствующей формированию «информационных пузырей», радикализирую-

щих сознание. Правовая база, закреплённая Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и Стратегией национальной безопасности, требует адаптации практических механизмов к реалиям современных мессенджеров и закрытых каналов коммуникации.

Проблематика психологии вовлечения в деструктивную активность и цифровых рисков социализации нашла отражение в исследованиях Г. У. Солдатовой, проанализировавшей специфику интернет-социализации подростков и молодежи [2], и Е. В. Капковой, уточнившей содержание понятия «цифровая социализация подростков» (цифровая социализация подростков, как часть процесса традиционной социализации и личностная характеристика подростков, интегрирует знания о нормах и правилах онлайн-коммуникации, ориентацию на ценности взаимодействия в интернет-сообществах, умения и опыт использования цифровых инструментов, социальную и цифровую компетентность в решении задач социально значимой деятельности в онлайн-формате. Структура цифровой социализации подростков представлена мотивационным (мотивация, ориентированная на ценность качественной информации, коммуникации и продуктивного взаимодействия в интернет-сообществах подростков со взрослыми и сверстниками для решения социально значимых задач с помощью цифровых устройств и сети Интернет), когнитивным (знания, связанные с цифровой информацией, знания норм и правил онлайн-коммуникации, способов решения социально значимых задач) и деятельностным (умение и опыт поиска, верификации, представления и сохранения информации в цифровом виде, аргументированного ведения диалога и монолога в цифровом формате, ответственного участия в социально значимой деятельности в формате социальных цифровых практик) компонентами [3, с. 7–13])). Вместе с тем методические подходы к имплементации данных научных выводов в повседневную профилактическую практику вузов нуждаются в дальнейшем развитии.

Целью настоящего исследования является разработка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию профилактической работы с обучающейся молодежью в цифровой среде. Достижение цели предполагает решение следующих задач: во-первых, анализ актуальных каналов и психологических механизмов вербовки в информационном пространстве; во-вторых, критическая оценка эффективности применяемых мер противодействия; в-третьих, обоснование новых инструментов формирования цифровой грамотности и критического мышления у обучающихся.

Процесс вовлечения обучающейся молодежи в экстремистскую деятельность в цифровой среде представляет собой сложную многоуровневую систему, сочетающую глубокую психологическую манипуляцию с высокотехнологичными инструментами таргетирования. Фундаментальной предпосылкой уязвимости студентов является возрастной кризис идентичности, характерный для периода поздней юности (18–25 лет), когда происходит

активный поиск социальных ориентиров и смысло-жизненных ориентиров, а также потребность в референтной группе. Экстремистские вербовщики искусно эксплуатируют это состояние, предлагая простые бинарные ответы на сложные социальные вопросы, апеллируя к обостренному чувству справедливости и желанию принадлежать к «избранной» группе. В условиях цифровой среды этот процесс усугубляется алгоритмической подачей контента. Социальные сети и мессенджеры, используя механизмы машинного обучения, формируют вокруг пользователя так называемую «эхо-камеру», где радикальные взгляды постоянно усиливаются и не встречают критической оппозиции, создавая иллюзию массовости и нормальности деструктивных идей.

Технические каналы вербовки эволюционировали от открытых форумов к закрытым и зашифрованным пространствам (проблема борьбы с современным экстремизмом и терроризмом заключается в том, что, широко используя социальные сети, вербовщики могут оставаться анонимными, что серьезно осложняет их нейтрализацию, учитывая и то обстоятельство, что часто вербовщики находятся за пределами Российской Федерации, а согласованность борьбы с ними совместно с международными правоохранительными организациями «оставляет желать лучшего». Вербовка граждан России в ряды террористов осуществляется с территорий других стран. Для этого самым действенным каналом вовлечения является Интернет [4, с. 152–165]). Наиболее распространенными площадками становятся закрытые каналы в мессенджерах (например, Telegram), где контент модерируется кураторами, а также игровые платформы и голосовые чаты, где происходит так называемая «геймификация насилия» (процесс происходит при помощи широкого спектра манипулятивных приемов – от копирования вербовщиками языка субкультур до использования таких потребностей молодежи, как запрос на признание, на принадлежность к группе [5, с. 139–148]). В игровой среде агрессия может подаваться как элемент соревнования или достижения статуса, что снижает психологический барьер перед принятием насильственных методов в реальности. Особую опасность представляет феномен «карманного радикализма», когда вовлечение начинается с безобидных на первый взгляд действий: «лайков», «репостов» провокационного контента или участия в онлайн-флешмобах. Эти действия формируют цифровой след, который может быть использован вербовщиками для шантажа или постепенного вовлечения в более серьезную деятельность.

Согласно данным мониторинга информационного пространства, первичный контакт чаще всего происходит через комментарии в популярных пабликах или через ботов, предлагающих «эксклюзивную информацию» или помощь в решении личных проблем. Таким образом, механизм вовлечения представляет собой цепочку событий, где техническая доступность сочетается с психологической подготовкой, что требует от системы

профилактики не только правового реагирования, но и глубокого понимания цифровых практик молодежи.

Нормативное регулирование профилактической работы в образовательных организациях высшего образования закреплено в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Вузы обязаны создавать условия для воспитания гражданственности, осуществлять мониторинг социально-психологического климата и предотвращать распространение экстремистских материалов. На практике реализация этих требований часто сводится к формальному выполнению плановых мероприятий. Проведенный анализ практик региональных вузов показывает, что основными инструментами остаются лекционные курсы по безопасности жизнедеятельности, обязательные кураторские часы и мониторинг страниц студентов в социальных сетях администрацией. Однако эффективность данных мер подвергается серьезной критике со стороны экспертов и самих обучающихся.

Можно выделить несколько ключевых проблем:

Во-первых, традиционные лекционные форматы воспринимаются студенчеством как «обязанность», не имеющая практической ценности для их цифровой реальности. Существует разрыв между языком официальной профилактики и языком цифровой коммуникации молодежи.

Во-вторых, методы тотального мониторинга социальных сетей без согласия обучающихся создают атмосферу недоверия между студентами и администрацией вуза. Когда профилактика ассоциируется исключительно с контролем и наказанием, студенты склонны скрывать признаки неблагополучия или радикализации, уходя в еще более закрытые каналы коммуникации.

В-третьих, следует подчеркнуть, что отсутствие квалифицированной психологической поддержки в связке с мерами безопасности снижает результативность работы и превращает превентивную работу в карательную. Если вуз выявляет группу риска, но не предлагает механизмов мягкой коррекции поведения или социальной реабилитации, профилактика становится карательной, а не превентивной. В то же время Стратегия национальной безопасности Российской Федерации ставит задачу защиты традиционных ценностей, что невозможно реализовать исключительно запретительными мерами без формирования внутреннего иммунитета личности. Таким образом, текущая модель требует трансформации от контроля к сотрудничеству и развитию компетенций.

Совершенствование системы противодействия интернет-радикализации в вузах предполагает внедрение комплексных инновационных инструментов, ориентированных на развитие критического мышления и создание альтернативных смысловых предложений.

Первым ключевым направлением является внедрение модулей «цифровой гигиены» в учебные планы не в формате лекций, а как практических тренингов по медиаграмотности [6, с. 239–241]. Студенты должны обучаться технологиям верификации информации, распознаванию манипулятивных техник и пониманию принципов работы алгоритмов соцсетей. Это позволит сформировать «когнитивный иммунитет» к деструктивному контенту.

Вторым важным элементом является реализация модели Peer-to-peer («равный обучает равного»). Подготовка студенческих лидеров-волонтеров, которые пользуются авторитетом в среде сверстников, позволяет транслировать профилактические сообщения на понятном языке. Такие лидеры могут мягко корректировать мнение участников чатов и выявлять признаки неблагополучия на ранних стадиях, выступая доверенными лицами, а не представителями администрации.

Третьим предложением является внедрение системы анонимного мониторинга настроения вместо тотальной слежки. Регулярные социологические опросы через защищенные цифровые платформы позволяют выявлять группы риска и напряженность в коллективах без нарушения права на приватность. На основе полученных данных возможно точечное вмешательство психологических служб.

Четвертым направлением становится создание альтернативного позитивного контента. Вузам необходимо развивать собственные медиацентры, которые будут производить конкурентоспособный контент (блоги, подкасты, видеоролики), продвигающий конструктивные социальные лифты и ценности сотрудничества. Конкуренция смыслов в информационном поле эффективнее прямой цензуры.

Пятым направлением, перспективным инструментом, является разработка специализированных чат-ботов для психологической помощи, интегрированных в популярные мессенджеры, где студент может анонимно получить консультацию или сообщить о угрозе. Реализация данных мер требует межведомственного взаимодействия вузов с правоохранительными органами и экспертным сообществом, что позволит создать гибкую и адаптивную систему безопасности, соответствующую вызовам цифровой эпохи.

Проведенное исследование позволяет заключить, что проблема интернет-радикализации студенческой молодежи носит выраженный системный характер, интегрирующий психологические, социальные и технологические аспекты, что требует принципиального выхода за рамки традиционного правового регулирования и формальных инструктажей. Детальный анализ механизмов вовлечения продемонстрировал, что деструктивное информационное воздействие базируется на эксплуатации возрастных психологических уязвимостей и алгоритмической персонализации контента, формирующей изолированные информационные пространства. Крити-

ческая оценка существующих профилактических мер в вузах выявила их недостаточную эффективность вследствие преобладания формального подхода и запретительных методик. В качестве основных направлений совершенствования обоснованы: внедрение тренингов по цифровой гигиене, переход от контроля к анонимному мониторингу и адресной психологической поддержке, использование модели «равный равному», развитие вузовских медиацентров и цифровых инструментов помощи (чат-ботов). Ключевым фактором обеспечения безопасности является трансформация профилактики из карательной в созидательную, где акцент смещается с тотального контроля на воспитание критического мышления и медиаграмотности, а также формирование внутренней ценностной позиции личности.

### Библиографический список

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/2/> (дата обращения: 20.02.2026).

2. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме : изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // PsyJournals.ru. URL: [https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2018\\_n3/Soldatova](https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2018_n3/Soldatova) (дата обращения: 22.02.2026).

3. Капкова Е. Е. Моделирование процесса цифровой социализации подростков в информационно-образовательной среде школы // Новое время – новые исследования : сборник статей VII Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 28 августа 2025 года. Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И. И.), 2025. С. 7–13.

4. Гайворонская И. Б., Фомина Т. Ф., Аманжолова Б. А. Вербовка в экстремистские и террористические организации посредством сети Интернет // Психология и право. 2020. Т. 10, № 4. С. 152–165.

5. Базаркина Д. Ю. «Геймификация» преступности – новый вызов для Евросоюза // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. № 6. 2024. С. 139–148.

6. Малышева О. В., Насырова К. И. Цифровая гигиена как знания, востребованные в цифровых реалиях // Наука и культура России. 2025. Т. 1. С. 239–241.

© Старостенко О. А., 2026